

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ У НАСЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

ЭДУАРД ЗАЙКОВСКИЙ

В раннем железном веке северо-западную и среднюю части современной Белоруссии, а также прилегающие районы Литвы заселяли племена культуры штрихованной керамики. На северо-восток от нее располагался ареал днепро-двинской культуры. Погребальные памятники обеих этих культур до последнего времени были неизвестны. Однако при исследованиях в 1979-1983 гг. у оз. Обяляй (в 80 км северо-западнее Вильнюса) грунтового могильника Y-YI и XIII-XVII вв. обнаружена каменная вымостка длиной 10 м и шириной 2-3 м, которая находилась на территории могильника у самого берега озера. В воде, в 10 м от вымостки, был обнаружен бугор диаметром около 5 м, состоявший из пепла, угля и сожженных костей вперемешку с обожженными вещами. По мнению исследовавшего памятник В. Урбанавичюса, многочисленные обломки глиняных сосудов указывают на то, что умершие погребались в урнах, а мостовая служила для опускания урн в воду. В воде были выявлены и отдельные черепки со штрихованной поверхностью. На основании вышеизложенных материалов В. Урбанавичюс считает, что племена культуры штрихованной керамики умерших сжигали и хоронили в воде [1, с. 75-76]. Однако находки среди керамики лишь отдельных фрагментов со штриховкой дают определенную возможность усомниться в таком выводе. К тому же оз. Обяляй находится в северо-западной части ареала культуры штрихованной керамики, а в других частях этого ареала погребальный обряд мог быть иным. Впрочем, выводы В. Урбанавичюса относятся к культуре штрихованной керамики в последний период ее существования перед серединой I тыс. н. э. и не отвечают на вопрос о форме погребального обряда на более ранних этапах развития этой культуры.

По нашему мнению, ключом к разгадке формы погребального обряда "штриховиков" может служить текст вставки, сделанной в 1261 г. "западнорусским" переписчиком "Хроники" Иоанна Малалы. Во вставке излагается легенда о некоем человеке Совии, который поссорился со своими детьми и в гневе попытался сойти через 8 ворот в ад, но неудачно. Один из сыновей показал Совию девятые ворота, через которые тот и проник в ад. Остальные сыновья рассердились на брата, и тому пришлось отправиться на поиски отца. Найдя того в аду, сын сделал ему ложе и похоронил отца в земле ("сътвори емоу ложе и погребу и въ земли"). Наутро Совий пожаловался сыну, что он в земле был изъеден червями и гадами. На следую-

щую ночь сын положил отца в дерево ("и въ древо и положи"), а утром выяснилось, что отцу мешали спать пчелы и комары. Тогда Совий был сожжен ("сътвори въ крадоу ѿгнуоу великоу и връже и на ѿгнь"). Утром на вопрос сына Совий удовлетворенно ответил: "ѿко дѣтишь въ колыбѣли сладко спяхъ". Дальше переписчик резюмирует, что этот обряд трупосожжения практикуют "литовский родъ и Агвезъ и въ проусы и въ смь и во ливь и иньа многи языки иже совицею наричюся" [2, с. 143-149; 3, с. 289-314; 4, с. 101]. Такое широкое перечисление балтских и финно-угорских племен не дает возможности для более точной локализации легенды, но важным в тексте вставки является указание на обычай жертвоприношений "сквернымъ богам андаеви и перкоунови рекше громоу и жвороунъ рекше соуць и телавели". Как было показано Топоровым, Андай (Девас), Перкунас, Жворуна и Телавель принадлежали к пантеону древнелитовских богов [3, с. 289-314].

Есть основания полагать, что легенда о Совии является мифологизированным пересказом истории развития погребальной обрядности у древних балтов на протяжении нескольких тысячелетий. Суммирование в легенде информации за такой большой промежуток времени вполне вероятно. По мнению Рыбакова, "... в истории религии, очевидно, следует искать не смену верований, не полное вытеснение старого новым, а наслоение нового на всю сумму более ранних представлений, создание амальгамы разновременных и разностадияльных элементов" [5, с. 31]. В качестве примера можно указать на древнерусское "Слово об идолах" XII века, где история славянского язычества разделена автором "Слова" на три стадии, причем первая стадия длилась десятки тысячелетий, вторая охватывала эпоху, которая началась с возникновением земледелия, а третья относилась к началу государственности. Несомненно, что сведения за такой большой отрезок времени предварительно были обобщены в фольклоре, в соответствующих легендах, а уже потом попали в письменные памятники. Мифологизированное изложение исторических событий или целых эпох вообще характерно для части легенд этиологического содержания.

Логичным будет полагать, что и в легенде о Совии в образной форме излагается история смен погребального обряда на территории одной из групп древних балтов, скорее всего летописной Литвы. Попытаемся более конкретно локализо-

вать территорию, где могли бы последовательно сменяться три вида погребального обряда: 1) трупоположение в земле, 2) погребение трупов в дуплах деревьев (или каким-то другим способом “въ древо и положи”), 3) трупосожжение.

В настоящее время существует несколько точек зрения на местоположение летописного племенного союза “Литва”. Таутовичюс [6] отождествляет его с ареалом распространения восточнолитовских курганов (с конца IV или начала V до XII вв.). Схожего взгляда придерживается и Седов, который основной территорией данного союза племен считает бассейн р. Нярис (Вилии) с его правыми притоками Швянтойи и Жеймяна. В нижнем течении р. Нярис и на правобережье Швянтойи они граничили с племенами Центральной Литвы, а на севере - с латгалами. На востоке их ареал достигал верховьев р. Дисна (левого притока Западной Двины), оз. Нарочь, верхнего течения р. Вилия. Далее на юге граница расселения древнелитовских племен, охватывая бассейн р. Мяркис, достигала р. Нёман и шла по нему до низовьев р. Нярис [7, с. 395]. Гудавичюс “Литву Миндовга” локализует на юге современной Литовской Республики на территории коренного литовского племени, которое связывается с южнолитовским ареалом культуры штрихованной керамики [8, с. 226]. Ермолович летописную Литву локализует в Верхнем Понеманье, приблизительно между Минском и Новогрудком с востока на запад и между Молодечно и Ляховичами с севера на юг [9, с. 70]. При всех расхождениях во взглядах, авторы вышеизложенных гипотез помещают летописную Литву в пределах ареала более древней культуры штрихованной керамики.

Проведем ретроспективный анализ легенды о Совии, взяв за верхнюю точку отсчета существование обряда трупосожжения. В раннем средневековье данный обряд широко распространился на балтских землях, включая ареалы восточнолитовских курганов, каменных курганов ятвягов, грунтовых могильников центральной части современной Литвы и центральной Жемайтии, северо-запад Литвы и низовья р. Неман, а также банцеровскую культуру в Белоруссии, куршей, пруссов и ятвягов. Кроме балтов, обычай кремации в определенной мере существовал у ливов, также упомянутых в легенде о Совии. Для таких балтских племен, как латгалы, селы, земгалы и большая часть жемайтов, данный обряд не характерен. У них преобладала ингумация умерших. Однако у большинства балтских племен обряду трупосожжения непосредственно предшествовал обычай трупоположения, что противоречит схеме смены обрядов в легенде о Совии. Даже в ареале распространения восточнолитовских курганов существовал относительно кратковременный период (IV-V вв.), когда практиковались

трупоположения. Неизвестен только погребальный обряд перед установлением обычая кремации на той части ареала культуры штрихованной керамики, где в V в. возникла банцеровская культура. На этой территории погребения железного века и поздней бронзы пока вообще не известны. Впрочем, по мнению Седова, обряд ингумации и в курганах восточнолитовского типа принесен на относительно короткое время пришельцами с северо-запада, довольно скоро растворившимися в среде местного населения [7, с. 395]. Этот краткий период иноплеменного влияния мог и не найти отражения в легенде о Совии. Для позднего неолита и раннего периода эпохи бронзы для племен культуры шнуровой керамики северо-запада Белоруссии, части Литвы и Латвии характерен обряд погребения трупов в скорченном положении. В южной части Белоруссии у племен среднеднепровской культуры и даже на юге Белорусского Понеманья (Яново, Русаково II) наряду с ингумацией была распространена кремация. На востоке Литвы на поселении Крятуонас I А (Швянчёнский р-н) обнаружена поздненеолитическая могила, в которой обгоревшие кости человека лежали в урне, обложенной камнями. Рядом с урной лежал небольшой каменный топорик [10, с. 19].

Таким образом, для центра и северо-запада Белоруссии и, возможно, юга Литвы на основании изученного археологического материала можно выделить три периода: 1) поздний неолит - ранняя бронза - обряд трупоположения; 2) вторая половина II тысячелетия до н. э. - до V в. н. э. - археологически не выявленный погребальный обряд; 3) с V в. н. э. - обряд трупосожжения. Первый и третий периоды этой археологической периодизации накладываются на первый и третий периоды легенды о Совии. Второму археологическому периоду может соответствовать второй период легенды, когда сын умершего отца “въ древо положи”. Такой обряд погребения, естественно, не мог оставить каких-либо археологических следов, и как результат - погребальные памятники культуры штрихованной керамики не известны. Интересно, что древние формы погребального обряда нашли свое отражение в белорусском фольклоре. Так, в предании “От как раньше старых родителей губили”, записанном недалеко от Волковыска Гродненской области, говорится: “Как человек состарится, то сын вывезет дармосда в пушу и бросит зверям” [11, с. 104-105]. Вариант этого предания был записан и в Ошмянском районе [11, с. 445]. Предания об избавлении от немощных стариков имеются и в других местах Белоруссии, но только на территории, где в древности существовала культура штрихованной керамики, говорится о вывозе этих стариков в лес. Можно предполагать, что вывезенных в лес осла-

бевших людей помещали в дупла деревьев. Обычай ритуального избавления от стариков, которые уже не способны были вместе со всеми добывать пищу, был известен и у других первобытных народов (огнеземельцы, чукчи и др.) Лишь приблизительно с началом периода Великого переселения народов благодаря изменениям общественных и экономических условий могла произойти отмена этого обычая у племен, проживавших на территориях современных Белоруссии и Литвы.

Хотя легенда о Совии записана в середине XIII века, сама легенда в окончательном виде могла сформироваться раньше. Определенные указания на это, по нашему мнению, можно найти в перечне племен, у которых одновременно существовал обычай трупосожжения. У ятвягов в течение XI-XII вв. обряд трупосожжения постепенно сменяется трупоположением. Однако в отдельных местах Неманско-Нерисского междуречья обряд кремации удерживался до начала XIII в. [7, с. 417]. У пруссов наряду с захоронениями по обряду трупосожжения с начала XII в. получают распространение трупоположения, а с начала XIII в. повсеместно доминирует ингумация [7, с. 401]. У даугавских ливов во второй половине X и первой половине XI в. встречаются как трупоположения, так и трупосожжения. В следующем периоде, до середины XII в. господствуют трупоположения. Во второй половине XII и первой половине XIII в. появились первые христианские захоронения, а погребения по обряду кремации почти не встречаются [7, с. 28-29]. У племен с курганами восточнолитовского типа обряд трупосожжения появился в V в., а с VI в. стал преобладающим [7, с. 393]. Великий князь Литовского Ольгерд был похоронен по обряду трупосожжения даже в 1377 г. Таким образом, у всех перечисленных в легенде о Совии племен обряд трупосожжения существовал в период с V-VI и не позднее чем до конца XII в. (если иметь в виду и частичное распространение). Наиболее же широкое распространение обряд кремации имел до XI в. Следовательно, и легенда о Совии окончательно оформилась не позднее конца XII в. или даже в XI в., хотя в письменных

источниках зафиксирована она позже. Легенда в мифологизированном виде отразила историю смены различных видов погребального обряда на протяжении нескольких тысячелетий, начиная с позднего неолита или ранней бронзы на территории, занятой в железном веке племенами культуры штрихованной керамики, а после исчезновения этой культуры - в ареале сменивших ее восточнолитовских курганов или в прилегающей части области банцеровской культуры на территории позднейшей летописной Литвы. Не противоречат этой схеме и находки В. Урбанавичюса в оз. Обяляй, которые относятся к заключительному этапу функционирования культуры штрихованной керамики и не характеризуют погребальный обряд в более ранние периоды существования этой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урбанавичюс В.Ф. Захоронения в воде: находки и интерпретация // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практ. конф. Псков, 1987. С. 75-76.
2. Топоров В.Н. Об одной "ятвяжской" мифологеме в связи со славянской параллелью // Acta Baltico-Slavica. 1966. Т. 3. С. 143-149.
3. Топоров В.Н. Заметки по балтийской мифологии // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 289-314.
4. Топоров В.Н. Мифологизированные описания обряда трупосожжения и его происхождение у балтов и славян // Конференция "Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд". Тезисы докладов. М., 1985. С. 95-107.
5. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
6. Таутавичюс А.З. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н. э. // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980. С. 80-87.
7. Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Под редакцией Рыбакова Б.А., Седова В.В. М., 1987.
8. Гулавичюс Э. Литва Миндовга // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Сб. ст. Вильнюс, 1985. С. 219-227.
9. Ермолович М. О местоположении древней Литвы и некоторых других балтских земель на территории Белоруссии // Проблемы этнической истории балтов. Тез. докл. межресп. науч. конф. Рига, 1985. С. 69-72.
10. Бутримас А., Гирининкас А. Старые и новые погребальные обычаи в неолите Литвы // Конференция "Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд". Тезисы докладов. М., 1985., С. 17-19.
11. Легенды і паданні // Беларуская народная творчасць. Минск, 1983.

BURIAL RITUAL AMONG THE POPULATION OF THE STROKED CERAMICS CULTURE

E. ZAIKOVSKY

SUMMARY

Stroked ceramics burials of Iron Age in the north-west and middle part of Byelorussia and adjacent Lithuanian districts have not been known up till now. We think that the insertion text of 1261 in Ioann Matala's Chronicle can

serve as a clue to the burial ritual among the population of the stroked ceramics culture.

In the insertion there is a legend about a Sovy who quarreled with his children and enraged got into hell. One

of his sons set out in search of him. Having found his father in hell he made a death-bed for him and buried him. In the morning Sovy complained of having been eaten by worms and reptiles. Next night the son put his father into a tree. In the morning he learned that Sovy could not sleep there because of bees and gnats. Then Sovy was burnt down and next day he was greatly pleased with that. In the legend it is also said that the ritual of burning of the deceased is spread among Lithuanians, Yatviags, Prusses, Emies, Lyvies and among other tribes. There are reasons to believe that the legend about Sovy is a mythical rendering of the history of burial ritual development among Balts for some thousands of years. The possibility to sum up the information for such a long period of time the legend is quite probable and it is confirmed by other examples of the East-Slavonic "Story about Idols" of the 12th century. Thus, while making a retrospective analysis of the legend it is necessary to determine the territory where the three types of the burial ritual (1) burial of dead bodies in the soil, 2) burial of dead bodies in the hollows of the trees, 3) burning of dead bodies were consequently changed. In the early Middle Ages the ritual of dead body burning was widely spread among Balts except Latgalls, Sels, Zemgals and a part of Zhemajts. But in most cases the ritual of dead body burial preceded the ritual of dead body burning. This contradicts the legend scheme. The burial ritual before the establishment of the cremation ritual among the tribes of stroked ceramics culture, especially among those where the culture of Bancerovtschina type appeared in the

5th century, is not known. In the late Neolith and in early period of Bronze Age the ritual of dead body burial in a bent position is characteristic of stroked ceramics culture tribes in north-west of Byelorussia and a part of Lithuania in contrast to more southerly territories. The first and third periods of this archaeological periodization coincide with the first and third periods of the legend about Sovy. The second period of the legend (when the son put his dead father into a tree) can correspond to the second archaeological period.

Naturally, such a burial ritual could not leave any trace and, as a result, the stroked ceramics culture burial monuments are not known. In Byelorussia legends of Grodno region an ancient tradition to put old feeble people into trees is mentioned. The mythical legend about Sovy depicted the history of different kinds of burial ritual changes during a long period of time beginning with the late Neolith and early Bronze Age on the territory occupied by the tribes of stroked ceramics culture in the Iron Age, and after the disappearance of this culture it depicted the history of burial ritual changes in the area of the East-Lithuanian burial mounds and in the adjacent regions of the Bancerovtschina type culture on the territory of Lithuania.

The traces of dead body burning and stroked ceramics found by V. Urbanovich in Lake Obyalyay are of the final stage of the stroked ceramics culture and therefore do not characterize the burial rituals of earlier periods.

MEZOLITINĖS TRADICIJOS VĒLYVOJO NEOLITO TITNAGO INVENTORIJE

VYGANDAS JUODAGALVIS

Vėlyvasis neolitas Lietuvoje siejamas su virvelinės keramikos kultūros paplitimu. Gausėjant ištirtų neolito paminklų skaičiui, vis labiau aiškėja, jog ir tokioje nedidelėje teritorijoje, kokia yra Lietuva, virvelinės keramikos kultūra paplito nevienodai. Tie skirtingi keliai ir yra Lietuvos vidurinio ir vėlyvojo neolito esmė. Tuo metu besiformavusių kultūrinių sričių skirtumus apibrėžia santykiai tarp keramikos, titnago ir kitų dirbinių gamyboje išlikusių senųjų elementų ir naujovių, kurias atnešė atėiviai virvelininkai. Senųjų tradicijų tāsai pasėkti didelės reikšmės turi titnaginių dirbinių analizė, nes kai kurie titnaginių dirbinių tipai buvo paveldėti iš mezolito, kai dar žmonės nemokėjo lipdyti puodų, gludinti ir gręžti akmenis. Vienas toks kultūrinis arealas, apimantis Nemuno žemupio slėnį ir pasižymintis titnago dirbinių savitumu, buvo išskirtas jau anksčiau [1, p. 80]. Pastarųjų metų tyrinėjimų duomenys leidžia išplėsti šio arealo ribas, įjungiant ir Šešupės žemupį [2]. Pagrindiniai bendrieji bruožai, būdingi šios teritorijos vėlyvojo neolito paminklams, yra mezolitinis palikimas titnago inventoriuje ir dirbinių smulkumas.

Tipologiniam titnago dirbinių palyginimui pasirinkome grupę dirbinių kompleksų, atspindin-

čių įvairius mezolitinės Nemuno kultūros chronologinius etapus. Ankstyvajam etapui atstovauja Paštuvos, viduriniam - Žemųjų Kaniūkų 1-os, vėlyvajam - Lampėdžių mezolitinių stovyklaviečių radiniai. Šių paminklų tyrinėjimų duomenys yra paskelbti spaudoje [3, p. 128-149]. Nemuno žemupio vėlyvojo neolito titnago dirbinių kompleksams atstovauja Vilkijos 1b gyvenvietės medžiaga [1, p. 83-85, pav. 4, 5], Šešupės žemupio - Kubilėlių [2] ir Gluobių 3a [4, p. 6-12, pav. 3] gyvenviečių inventorius. Pastarųjų tyrinėjimų metu Gluobių 3a gyvenvietės kompleksai papildė naujais titnago dirbiniais, kurie anksčiau nebuvo skelbti (pav. 1). Apžvelgdami įvairių laikotarpių titnago dirbinius, detaliau tyrėme darbo įrankius, nes jie, kaip žinoma iš etnografinių duomenų, keitėsi mažiau nei, pvz., ginklai.

Aptariamųjų gyvenviečių gremžtukai lyginami pagal 4 pagrindinius požymius: proporcijas, formą, ašmenų padėtį ir formą bei papildomą šoninių briaunų ir įtvarytu retušą. Visuose kompleksuose yra pailgųjų (pav. 2:2) ir trumpųjų (pav. 2:3) gremžtukų. Vėlyvojo mezolito inventoriuje vyrauja trumpieji, vėlyvojo neolito - pailgieji gremžtukai. Ilgieji gremžtukai (pav. 2:1), kaip paleolito palikimas, dažniau